

ХУДШИЙ ИЗ НАС

ГЛАЗАМИ ПОДОНКА: ПАДЕНИЕ И ВОСКРЕШЕНИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ПАВЕЛ БИРЮКОВ

Павел Бирюков

Худший из нас

«Автор»

2026

Бирюков П.

Худший из нас / П. Бирюков — «Автор», 2026

Земля пала под натиском древней расы Архитекторов: города превратились в руины, а люди — в «урожай» для био-кузниц пришельцев. Но в их безупречном расчёте обнаружилась брешь — Павел Левин. Бывший мясник из Капотни случайно становится сосудом запретных технологий. Пройдя через ад Ямантау, он перерождается в Бога Руин — и бросает вызов стерильному порядку захватчиков. Эра людей закончилась. Наступает эпоха Мяса и Стали.

© Бирюков П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Исход из ада	5
Глава 2: Хозяин руин	8
Глава 3: Первый контакт	11
Глава 4: Анатомия страха	14
Глава 5: Свита мясника	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Павел Бирюков

Худший из нас

Глава 1: Исход из ада

Тюрьма особого режима «Черный Беркут» всегда обладала своим неповторимым, вьедливым букетом. Это был слоистый пирог из запахов едкой хлорки, которой безуспешно пытались вытравить грибок со стен, кислых испарений вчерашней овсянки и застарелого, липкого страха, который за десятилетия пропитал даже бетонные перекрытия на метр вглубь. Но в этот полдень привычный порядок вещей рухнул.

Воздух в одиночной камере ШИЗО внезапно стал плотным, маслянистым, покалывающим кожу микроскопическими разрядами статики. В него ворвался озон – резкий, металлический, бьющий в ноздри с такой силой, будто в метре от лица взорвали шаровую молнию. Волоски на руках Павла встали дыбом, а во рту застоялся отчетливый привкус меди.

Павел Левин сидел на узкой стальной полосе нар, приваренной к полу. Затылок ощущал привычный мертвенный холод стены, покрытой ста слоями серой масляной краски. Его руки, испещренные старыми, побледневшими шрамами от заточек и ожогов, спокойно лежали на коленях. В его личном деле, запертом в сейфе администрации под тремя замками, красным карандашом было выведено: «Склонен к немотивированной агрессии. Крайне опасен. Эмпатия полностью отсутствует». Глядя на него сейчас, в это было легко поверить: в его глазах выгорел сам человеческий пигмент, оставив лишь две стальные, бездонные точки, в которых не отражалось ничего, кроме ледяного арифметического расчета.

Внезапно мир сошел с ума. Пол не просто дрогнул – он превратился в вибрирующую мембрану. Звук не был похож на взрыв в привычном понимании. Это не был грохот тротила или гул обвала. Это был низкочастотный резонанс, «гул земли», от которого мгновенно занyli корни зубов, а глазные яблоки, казалось, готовы были лопнуть внутри черепа.

Спустя секунду потолок карцера перестал существовать. Он не обрушился обломками, не погреб Павла под собой. Трехметровый слой армированного бетона просто дематериализовался, превратившись в раскаленную серую взвесь под воздействием беззвучного фиолетового луча, ударившего с самой орбиты.

Павел рухнул на колени, инстинктивно прикрыв голову, пока сверху оседал «бетонный снег» – все, что осталось от перекрытий. Он не вскрикнул и не выругался. Когда гул стих, сменившись странным, ультразвуковым свистом, он медленно поднялся и методично, почти брезгливо отряхнул плечи от белесой пыли. Над ним, там, где раньше была давящая плита, теперь зияло небо цвета гниющей сливы. Над горизонтом, бесшумно разрезая облака, неподвижно зависли колоссальные монолиты, похожие на перевернутые черные пирамиды, чьи грани поглощали свет.

– Началось, – прохрипел Павел. Его голос, не использовавшийся несколько суток, был сухим и колючим, как наждак. Но он не дрожал. Напротив, на тонких губах заиграла едва заметная, хищная усмешка.

Охотник внутри него, спавший долгие годы в бетонной клетке, почуял запах большой крови. Он подошел к искореженной стальной двери. Металл «повело» от наведенного жара, замок намертво заварило в пазах. С той стороны, из коридора, доносился первобытный хаос: истошные вопли, захлебывающиеся молитвы и бессвязные приказы охраны, сошедшей с ума от ужаса перед тем, что не укладывалось в устав.

Павел огляделся. Его взгляд зацепился за обломок арматурной решетки, вырванный из стены вибрацией. Тяжелый стальной прут весом в добрых шесть килограммов он поднял одной рукой, небрежно, словно сухую ветку.

Первый удар в стык двери отозвался звоном во всем теле, выбивая искры из костей. Второй – в верхнюю петлю – заставил сталь взвыть, как живое существо. На третьем металл сдался, и тяжелое полотно с грохотом вывалилось в коридор, подняв облако цементной взвеси.

То, что открылось его взору, напоминало анатомический театр, поставленный безумным богом. Те, в кого прямо попало вторичное излучение, на глазах превращались в хрупкие статуи из серого пепла, медленно осыпавшиеся от малейшего сквозняка. Уцелевшие металлись в едком дыму, как тараканы в горящей банке. Навстречу Павлу выскочил охранник – совсем молодой парень, чье лицо было залито кровью из лопнувших барабанных перепонки. Он сжимал дробовик «Сайга» так крепко, что костяшки пальцев побелели до желтизны.

– Стой! Назад, тварь! В камеру! – закричал он, вскидывая ствол.

Его руки ходили ходуном, описывая в воздухе безумные восьмерки. В глазах парня Павел видел не долг, а чистый, животный страх перед неизвестностью. Павел не остановился. Он не ускорил шаг, но его движение обладало инерцией тяжелого ледника.

– Стреляй, щенок, – негромко, почти ласково сказал он, глядя прямо в расширенные до предела зрачки парня. – Или дай дорогу отцу.

Охранник дернул спуск. Грохот выстрела в тесном бетонном мешке оглушил бы любого, но Павел лишь слегка качнул корпусом, уходя с линии огня. Сноп дрови ушел в стену, выбив каменное крошево. В следующую секунду Павел сократил дистанцию. Удар стальным прутком был коротким, поршневым. Коленная чашечка охранника лопнула с сухим, отчетливым хрустом. Парень взвыл и рухнул на залитый нечистотами пол.

В груди Павла не шевельнулось ни грамма жалости. Только холодный расчет эффективности. Он наступил тяжелым кирзовым сапогом на горло корчащегося человека, плавно перенося на него все семьдесят пять килограммов веса. Крик захлебнулся, сменившись коротким бульканьем и отчетливым хрипом ломающихся хрящей гортани. Павел хладнокровно дождался, пока тело обмякнет, и спокойно, без суеты, забрал дробовик, запас патронов и связку ключей.

– Биологический мусор, – бросил он, перешагивая через труп, словно через грязную лужу.

Он вышел во внутренний двор. Здесь воцарился абсолютный, доисторический хаос. Заключенные, опьяненные внезапной свободой и близостью смерти, крушили двери оружейки; кто-то, окончательно потеряв разум, пытался штурмовать забор с «колючкой», не осознавая, что ток в проволоке исчез вместе с цивилизацией.

В этот момент в небе над тюрьмой пронесся стремительный черный объект – капля живой ртути. Он выпустил по двору каскад фиолетовых разрядов, похожих на тонкие иглы. Группа людей в центре мгновенно застыла, превратившись в обугленные, дымящиеся изваяния. Павел вжался в тень стены, наблюдая за «охотником». Он видел, как из зависшего аппарата начали десантироваться они – высокие, сегментированные фигуры в переливающихся биомеханических доспехах. Пришельцы двигались со сверхъестественной, рваной грацией насекомых, методично и безжалостно «зачищая» территорию от всего, что еще имело наглость дышать.

– Красиво работают, – прошептал Павел, проверяя затвор дробовика. Клад-клад. Патрон в патроннике. – Но вы еще не пробовали на вкус настоящую человеческую грязь.

Он не стал прорываться к главным воротам – там захватчики уже развернули плазменные турели, превращая выход в тир для спортивной стрельбы. Его путь лежал к заброшенному канализационному люку в углу хоздвора. Путь ему преградили двое «авторитетов» из соседнего блока. В их глазах светилась безумная вера в то, что старые понятия еще имеют вес в мире, который горит.

– Слышь, Мясник, пушку скинул, – рявкнул первый, поигрывая заточенным электродом. Второй заходил сбоку, пряча за спиной обрезок трубы.

Павел даже не вскинул дробовик. Тратить боеприпас на это отребье было непозволительной роскошью. Он просто ударил первого в лицо свободной рукой. Удар был такой сокрушительной силы, что носовая кость бандита провалилась внутрь, превратив мозг в кашу. Тот рухнул мешком. Второй не успел даже вдохнуть – Павел молниеносным, отточенным движением вогнал арматурный прут ему в глазницу по самую рукоять, провернув его там напоследок.

– Теперь здесь нет законов, кроме моего, – произнес Павел, глядя на конвульсии бывших сокамерников. – А мой закон прост: вы мешаете мне охотиться.

Он отбросил окровавленный прут и нырнул в зловонный зев люка в тот самый миг, когда очередной залп с орбиты превратил бетонную стену тюрьмы в оплавленное стекло.

Внизу, в густой темноте коллектора, Павел Левин наконец почувствовал себя в безопасности. Мир снаружи мог рушиться, человечество могло сгорать в инопланетном пламени, но для него это было лишь приглашением на самый большой пир в его жизни.

Он начал свой путь. Путь к Москве. И эта дорога будет вымощена костями – и неважно, человеческими они будут или чужими.

Глава 2: Хозяин руин

Москва встретила Павла не звоном колоколов и не привычным гулом проспектов, а хриплым, надсадным воем ионосферных штормов, терзающих изуродованное небо, и протяжным, стонущим грохотом обрушивающихся стальных скелетов небоскребов.

Столица, еще вчера задыхавшаяся в бесконечных пробках и золотых амбициях, теперь захлебывалась в густой, липкой серой пыли. Эта взвесь осела на разбитых витринах бутиков, на обгоревших остовах автобусов и на зубах немногих выживших, оставляя во рту несмываемый вкус сухого цемента, паленой резины и запекшейся человеческой крови.

Павел Левин выбрался из канализационного коллектора в районе Пресни, тяжело откинув чугунный блин люка. Его лицо, вымазанное мазутом, нечистотами и пороховой гарью, застыло, напоминая античную посмертную маску – неподвижную, серую и страшную в своей завершенности. В правой руке он привычно сжимал трофейную «Сайгу», в левой – тяжелый стальной лом, ставший его молчаливым и самым надежным спутником в подземном переходе через этот рукотворный ад.

– Гляди-ка, какой черт из самой преисподней вылез! – раздался глумливый, дребезжащий голос из-за остова сгоревшего «Мерседеса», перегородившего тротуар наглухо.

Из глубоких, иссиня-черных теней полуразрушенного элитного ЖК, чей зеркальный фасад теперь напоминал щербатую челюсть великана, вышли четверо. На них были тяжелые бронежилеты «Кора-Кулон», явно снятые с остывших тел полицейских, и охотничьи карабины с оптикой. Это не были беженцы, ищущие спасения. Это были падальщики – первичная пена нового мира, хищники, которые первыми ощутили на языке сладкий вкус абсолютной безнужности.

В центре их нестройного круга на коленях стояла молодая женщина в разорванном кашемировом пальто, которое стоило больше, чем вся эта тюрьма «Черный Беркут». Ее лицо, когда-то безупречно ухоженное, было землисто-серым от ужаса и перемешанной с помадой грязи.

– Слышь, мужик, падай на карачки и медленно отдавай ствол, – сказал рослый детина с синюшной татуировкой на шее, перекрывающей сонную артерию. – Мы тут теперь закон и власть. Комендантский час, просёк, дядя?

Павел медленно, почти лениво повернул голову. Он не смотрел на женщину, не оценивал масштаб ее беды. Его взгляд, холодный и точный, как лазерный дальномер, был прикован к кадыку главаря. Мозг Левина в этот момент превратился в баллистический вычислитель: он методично рассчитывал векторы атаки, плотность брони и время, необходимое на рывок.

– Власть? – голос Павла прозвучал как треск ломающихся на февральском морозе костей. – Власть – это когда за твоей спиной стоит дисциплинированная армия со спутниковой поддержкой. А за тобой стоят только три покойника, которые просто еще не успели коснуться асфальта.

Главарь на секунду опешил от такой ледяной, запредельной наглости. Он дернулся вскидывать карабин, но Павел уже сорвался с места. Это не была драка в человеческом понимании – это была хирургия насилия, доведенная до абсолюта, лишённая эмоций и лишних движений.

Левин метнул лом. Тяжелая закаленная сталь вошла в грудную клетку главаря с влажным, чмокающим звуком, пробив кевларовую пластину и вмяная ребра прямо в легкие. Пока остальные судорожно пытались осознать происходящее, Павел уже оказался вплотную ко второму мародеру. Короткий, поршневой удар прикладом в челюсть отправил противника в глубокую кому раньше, чем тот успел нажать на спуск.

Третий в панике выстрелил, но пуля лишь чиркнула по бетону – Павел перехватил раскаленный ствол его карабина голыми руками. Используя чужое оружие как рычаг, он вывер-

нул локоть противника наружу так, что сустав выскочил из сумки с тошнотворным, влажным щелчком.

Четвертый, видя мгновенную и бесшумную расправу, отшвырнул автомат и бросился бежать по хрустящему битому стеклу. Павел вскинул «Сайгу» и, почти не целясь, нажал на спуск. Заряд двенадцатого калибра настиг беглеца в десяти метрах, буквально впечатав его в стену и превратив лопатки в кашу из костной крошки и синтепона.

Павел подошел к вожаку, который еще хрипел, пуская багровые пузыри и безуспешно пытаясь вытащить стальной штырь из развороченной груди. Левин равнодушно наступил ему на лицо тяжелым армейским сапогом, вдавливая нос в щебень, и резким, выверенным рывком вернул себе лом.

– Па-пожалуйста... – простонала женщина, протягивая к нему дрожащие, исцарапанные в кровь руки. – Спасибо вам... вы спасли меня... о господи...

Павел посмотрел на нее так, словно перед ним было назойливое насекомое, случайно прилипшее к подошве.

– Убирайся, – бросил он, вытирая окровавленный лом о куртку убитого. – Пока я не передумал и не решил доделать работу за них.

– Но мне некуда идти! Город мертв... связи нет! Они повсюду! Они спускаются прямо из туч!

Павел внезапно сократил дистанцию, схватил ее за воротник и одним рывком впечатал в бетонную колонну дома. Его глаза были абсолютно пустыми – бездонные колодцы, в которых утонуло всё человеческое. В них не было ни сочувствия, ни праведного гнева – только зеркальная гладь арктического льда.

– Слушай сюда, – прошипел он ей в самое ухо, обдавая резким запахом дешевого табака и железа. – Тот мир, где тебя кто-то спасал по закону или по совести, сдох и уже воняет. Теперь здесь только два типа существ: те, кто ест, и те, кого доедают. Беги в подвалы, заройся в крысиные норы, жри штукатурку и не смей больше попадаться мне на глаза. Живи, пока я разрешаю.

Он грубо оттолкнул ее и, не оборачиваясь, вошел в величественный вестибюль ЖК. В просторном холле с разбитыми хрустальными люстрами весом в тонну и поваленными кадриками с засохшими пальмами прятались еще человек двенадцать. Испуганные жильцы в дорожных домашних костюмах, бывшие топ-менеджеры и пара охранников с лицами побитых собак. Они смотрели на вошедшего Павла как на демона, пришедшего осквернить их последнее стерильное убежище.

Павел прошел к стойке ресепшен из полированного темного мрамора. Он достал из-за пазухи окровавленный охотничий нож и с силой вонзил его в столешницу. Звук удара отозвался сухим эхом в мертвой тишине огромного зала.

– Слушайте меня внимательно, черви, – объявил он, медленно обходя замершую толпу взглядом хищника. – С этой секунды этот дом – моя крепость. С этого мгновения у вас нет имен, нет банковских счетов, нет должностей и прав. Вы будете рыть туннели между секциями, укреплять окна мешками с песком и строить баррикады. Вы соберете всё – от антибиотиков до консервированного горошка. Кто откажется работать – вылетит в окно прямо сейчас. Кто попытается сбежать или предать – будет умирать очень долго и очень громко.

Один из мужчин, высокий, статный, в помятом, но дорогом костюме-тройке, попытался сделать шаг вперед. Его нижняя губа мелко тряслась от сдерживаемого возмущения.

– Да кто ты вообще такой?! Мы сейчас вызовем полицию... МЧС... скоро придет регулярная армия... это частная собственность, черт возьми!

Павел молча шагнул к нему, железной, как капкан, хваткой вцепился в горло и приподнял мужчину над полом. Тот судорожно засучил ногами, его лицо стремительно налилось синюшным багрянцем.

– Армия догорает в стратосфере вместе со спутниками связи, – спокойно, без тени эмоций сказал Павел, глядя в выпученные глаза «белого воротничка». – А я – это единственное препятствие между вашими нежными глотками и теми тварями, что сейчас спускаются на тропах с черных пирамид. Я – ваш единственный шанс дожить до завтрашнего рассвета. Но цена этого дня – ваша абсолютная, собачья покорность. Понятно?

Он отшвырнул мужчину в сторону, словно мешок с мусором. Тот упал на колени, жадно и со свистом заглатывая пыльный воздух. Остальные в паническом ужасе прижались к мраморным стенам.

– А теперь, – Павел повернулся к панорамному окну, за которым в фиолетовых сумерках бесшумно, словно акула, кружил очередной разведчик Архитекторов, – тащите мне все инструменты, генераторы и горючее, какие зарыты в этом склепе. Мы будем делать засаду. Я хочу лично проверить, какого цвета у этих звездных выроdkов потроха и насколько легко они режутся сталью.

Вечером того же дня в глубоком, сыром подвале элитного комплекса Павел Левин начал ковать свою собственную карманную армию из тех, кто еще вчера боялся собственной тени в лифте. Он не учил их сражаться честно. Он не говорил о чести или долге. Он учил их быть беспощадными, быстрыми и лишенными человеческой жалости – такими же, как он сам. И в темноте подземелья его глаза светились холодным, торжествующим огнем нового хозяина руин.

Глава 3: Первый контакт

К исходу третьего дня Москва окончательно утратила черты мегаполиса, превратившись в агонизирующий лабиринт из битого хрусталя, оплавленного бетона и густого, тошнотворно-сладкого запаха разложения, который не выветривался даже штормовым ветром. Над Пресней, разрывая низкие, грязно-фиолетовые тучи, безмолвно завис «Глаз» – разведывательный биомеханический диск Архитекторов. Его многослойные линзы, переливающиеся маслянистым радужным блеском, методично сканировали руины, выискивая малейшие всплески органического тепла в остывающем теле города.

Павел Левин сидел на перевернутых верстаках в полутемном, провонявшем сыростью гараже жилого комплекса. Скрежет металла о точильный круг перекрывал отдаленный гул плазменной канонады. Павел затачивал кусок тяжелой автомобильной рессоры, превращая его в грубое, лишенное эстетики, но смертоносное подобие мачете. Снопы оранжевых искр били ему прямо в лицо, оседая на жесткой щетине и обветренной, покрытой копотью коже, но он даже не моргал. Его взгляд, остекленевший и сфокусированный, был прикован к кромке стального лезвия.

Вокруг, в густой тени бетонных колонн, толпились его «солдаты» – десяток бледных, осунувшихся мужчин, которых еще неделю назад заботили лишь котировки акций, лизинг и годовые абонементы в премиальные спортзалы. Сейчас они сжимали в руках обрезки водопроводных труб, пожарные топоры с облупившейся краской и длинные кухонные ножи, выглядя как призраки из темного средневековья, восставшие в декорациях хай-тека.

– Они идут, Паша... – прошептал один из них, бывший фитнес-инструктор, чья рельефная мускулатура теперь казалась лишь бесполезным, мешающим украшением. Его голос мелко и противно дрожал. – Я видел их с крыши стилобата. Трое. В сегментированной серебряной броне. У них пушки... одна короткая вспышка, и армированный бетон превращается в раскаленный пар! Мы все здесь сдохнем, Паша...

Павел плавно, без единого рывка, остановил круг. Тишина, воцарившаяся в гараже, стала тяжелой и осязаемой, как свежий свинец. Он медленно поднялся, возвышаясь над тренером, и в этой тишине было слышно лишь его мерное, пугающе ровное дыхание.

– Бетон в пар? – Павел сделал шаг вперед, грубо вторгаясь в личное пространство мужчины. – А ты знаешь, во что превращается их высокотехнологичная броня, если в сочленение, в самую мягкую жилу, вбить стальной штырь пятиметровой кувалдой?

Он обвел тяжелым, придавливающим взглядом остальных, заставляя их опустить глаза.

– Слушайте сюда, стадо. Пришельцы привыкли к тому, что вы бежите, визжите и молитесь о пощаде на коленях. Для них вы – дичь, биоматериал, ресурс. Но сегодня мы станем капканом. Тем самым ржавым, зазубренным железом, которое перекусывает кость любому зверю, какой бы мастью он ни хвастался. Кто дернется, кто бросит пост или просто пискнет от страха – получит заточку в затылок от меня лично. Вопросы?

Вопросов не возникло. Животный, первобытный страх перед этим человеком, стоящим в скудном луче света, оказался острее и понятнее, чем страх перед инопланетным разумом.

Засаду подготовили в узком стеклянном переходе между торговым центром и жилым блоком. Павел лично контролировал каждый дюйм ловушки. По его приказу на полированный мраморный пол вылили ведра отработанного машинного масла, густо присыпав его мелкой крошкой битого триплекса – коварная смесь, лишаящая опоры любого, кто привык к твердой почве. Сверху, под самым потолком, на перетянутых стальных тросах были закреплены массивные бетонные противовесы, снятые с лифтовых шахт.

Прошел час, тягучий, как смола. Вязкое ожидание прервал звук. Это не были шаги в привычном понимании. Это был мягкий, влажный шелест, напоминающий движение гигантских хитиновых насекомых по сухому пергаменту.

В зал вошли трое Архитекторов. Высокие, почти трехметровые фигуры, закованные в сегментированные доспехи, которые пульсировали мягким, едва уловимым светом, мимикрируя под серый бетон руин. Их шлемы были вытянутыми, гладкими и абсолютно лишенными прорезей. В длинных, изящных трехпалых руках они сжимали тонкие черные жезлы – портативные орудия аннигиляции.

Один из пришельцев внезапно замер, плавно поводя безликой головой. Он что-то почуял. Не страх – Павел научил своих людей задерживать дыхание до рези в легких – а тяжелый запах старой смазки, пота и концентрированной ненависти.

– Сейчас, – одними губами скомандовал Левин, скрытый в глубокой нише за колонной.

Он резко дернул рычаг самодельного сброса. Многотонный бетонный блок сорвался с шестиметровой высоты. С коротким свистом и оглушительным ударом, от которого содрогнулось всё здание, он обрушился прямо на замыкающего Архитектора. Раздался жуткий, сухой звук, похожий на хруст панциря исполинского краба. Из-под плиты мгновенно брызнула густая, опалесцирующая фиолетовая субстанция, заливая стерильный мрамор ихором, пахнущим резким аммиаком и формалином.

Двое оставшихся среагировали со сверхчеловеческой быстротой, вскидывая жезлы, но их ноги тут же позорно разъехались на масляной пленке. Стекло впивалось в их искусственную плоть, лишая их главной опоры – грации. Пришельцы зашипели – этот звук напоминал свист ядовитого пара, вырывающегося под давлением.

– Вперед, псы! Рвите их! – взревел Павел, вылетая из тени.

Он не стал тратить патроны. Ему нужно было сломать их дух, прочувствовать плотность их костей. Павел в мощном прыжке обрушился на ближайшего врага, сбивая его с ног весом всего своего тела. Архитектор попытался выставить блок предплечьем, но Павел наотмашь ударил его заточенной рессорой. Самодельный клинок со скрежетом вошел в сочленение доспеха под мышкой, туда, где броня была податливой и тонкой.

Пришелец издал пронзительный, режущий мозг ультразвуковой визг. У людей, стоявших рядом, мгновенно лопнули капилляры в глазах, а из ушей потекла сукровица. Павел, рыча от первобытной, почти экстатической ярости, вогнал клинок еще глубже и с силой провернул его в ране, разрывая внутренние жгуты-мышцы. Горячий фиолетовый ихор хлынул на него, обжигая кожу химическим жаром, но Павел лишь сильнее оскалился в безумной ухмылке.

Третий Архитектор успел направить жезл. Фиолетовый луч прорезал пространство, попав в плечо одному из «Бледных». Человек не успел даже вскрикнуть: его рука мгновенно превратилась в облако мелкодисперсного пепла, а плечевой сустав обнажился до белой, обугленной кости. Он рухнул, заходясь в истошном, захлебывающемся вопле.

Павел, оставив первого врага издыхать в луже собственного сока, в три стремительных прыжка настиг последнего захватчика. Тот попытался развернуть оружие, но Павел на лету перехватил его тонкое, длинное предплечье. Раздался сухой, мерзкий хруст – Левин просто переломил кость существа через колено, как сухую валежину.

Он повалил «бога» на пол, оседлал его и начал методично, с ритмом тяжелого отбойного молотка, вбивать кулак в безглазый шлем. Раз. Другой. Десятый. Композитный пластик лопнул, обнажив бледную, студенистую морду с каскадом мелких, игловидных зубов и пульсирующими венами, полными синего огня.

– Ну что, твари звездные? – Павел схватил пришельца за края челюсти и с силой впечатал его затылком в бетон. – Сладкая у нас кровь? Вкусно?!

Он выхватил нож и коротким, профессиональным движением вскрыл существу горло. Фиолетовый фонтан ударил ему прямо в рот и глаза, окончательно превращая Левина в демоническое создание из самых жутких кошмаров.

Он поднялся на ноги. Его грудь тяжело и мерно вздымалась под слоем инопланетной слизи. Вокруг застыли его люди, взирая на побоище с абсолютным, парализующим ужасом. В эту секунду они осознали: их лидер – не просто человек. Это нечто, способное сожрать саму бездну.

– Смотрите на них! – Павел указал окровавленным кончиком рессоры на изуродованные останки. – Онидохнут так же, как и любые подвальные крысы. У них есть кровь, у них есть кости, и они визжат от боли точно так же, как и вы. Запомните этот звук. Это звук нашей победы.

Он подошел к раненому бойцу, который еще бился в конвульсиях на полу, глядя на свою испепеленную руку остекленевшими глазами. Павел посмотрел на рану, затем – прямо в расширенные зрачки парня.

– Ты отстрелялся, боец, – спокойно, почти нежно произнес Павел.

И прежде чем кто-то успел осознать смысл его слов, он коротким, точным ударом вогнал нож в сердце раненого. Без малейшего колебания. Без тени сомнения.

– Нам не нужен балласт. В этом мире выживают только целые, – бросил он остальным, равнодушно вытирая клинок о куртку убитого товарища. – Соберите их жезлы. И отрубите головы этим тварям. Тащите их в наш подвал. Будем вскрывать и изучать, как потрошить их еще быстрее. Нам нужно знать, где у них сердце.

В ту ночь над Пресней впервые за все время вторжения не было слышно криков жертв. Над руинами разносился лишь тяжелый, мерный стук: Павел Левин забивал стальные колья по периметру своей крепости, украшая их головами тех, кто по ошибке посчитал себя хозяевами этой земли.

Глава 4: Анатомия страха

Подвал элитного жилого комплекса, еще неделю назад служивший стерильным техническим узлом с немецкими котлами отопления и серверными стойками из полированного алюминия, окончательно превратился в лабораторию первобытного, индустриального ужаса. Сводчатые потолки из дорогого монолитного бетона теперь отражали не мягкий свет дизайнерских светильников, а холодный, хирургический блеск нержавеющей стали и мертвенное, фосфоресцирующее сияние инопланетного ихора, который липкими фиолетовыми кляксами покрывал пол и стены.

В центре помещения, прикованный к массивному стальному верстаку титановыми цепями для фиксации тяжелых грузов, в безумных конвульсиях бился четвертый Архитектор. Его захватили живым в ходе дерзкой ночной вылазки – Павел лично выследил разведчика в руинах подземного паркинга и оглушил его, обрушив обломок рельса на вытянутый шлем существа с расчетливой силой кузнечного молота.

Павел Левин медленно обходил импровизированный операционный стол, на ходу затягивая завязки тяжелого прорезиненного фартука, снятого с трупа мойщика машин. На его скулах запеклась чужая фиолетовая кровь, густо перемешавшаяся с угольной копотью, что делало его лицо похожим на ритуальную маску палача из кибернетической преисподней.

– Паша, может... может, всё-таки стоит поискать выживших из НИИ? Позвать кого-то из профессиональных биологов? – подал голос один из присутствующих, бывший недоучившийся студент-медик по кличке Док. Его тонкие пальцы дрожали так сильно, что скальпель в них мелко и противно звенькал о металлический лоток. – Мы же ни черта не смыслим в их ксенобиологии. Если мы убьем его раньше времени, мы потеряем единственный шанс на системное изучение их метаболизма...

Павел внезапно остановился и медленно, словно тяжелое орудие на турели, перевел взгляд на Дока. В этих глазах не было ярости – только та самая ледяная, абсолютная пустота, которая пугала окружающих куда сильнее любого припадка гнева.

– Ученые пытались бы договориться, Док, – голос Павла был сухим и скрипучим, как ржавые петли тюремных ворот. – Они бы искали общий синтаксис, строили математические модели коммуникации. А я ищу уязвимость. Боль – это единственный по-настоящему универсальный язык во Вселенной. На нем понимают даже те твари, что приползли сюда из-за края звезд.

Павел взял со стола старый промышленный паяльник, подключенный к надсадно гудящему в углу дизель-генератору. Медный наконечник прибора уже раскалился до малинового, яростного свечения, испуская волны сухого жара.

Пришелец зашипел. Его тело, покрытое сегментированным хитиновым панцирем, выгнулось дугой, натягивая цепи до колокольного звона. Из-под шлема донесся звук, похожий на скрежет алмазного сверла по стеклу – высокочастотная звуковая волна, от которой заныли кости черепа у всех присутствующих.

– Видишь эти вибрирующие усики у него на висках? – Павел указал раскаленным жалом инструмента на тонкие, полупрозрачные отростки, выходящие из-под пластин шлема врага. – Это их прямая связь. Коллективная нейросеть. Они слышат друг друга каждую секунду. И знаешь, что это значит, Док? Весь их проклятый рой сейчас в прямом эфире слушает наше маленькое шоу.

Павел без предупреждения, резким и коротким движением прижал раскаленный металл к мягкому, влажному сочленению доспеха на бедре Архитектора.

Воздух подвала мгновенно наполнился едким, удушливым запахом горелого хитина и чем-то приторно-сладковатым, напоминающим жженую карамель, смешанную с концентриро-

ванным аммиаком. Пришелец издал такой пронзительный, ультразвуковой визг, что у Дока из носа брызнула густая кровь, а в ушах зазвенело, словно после контузии. Но Павел даже не поморщился. Он давил сильнее, выжигая инопланетную плоть слой за слоем, наблюдая, как из глубокой раны сочится густой, пахнущий химикатами пар.

– Кричи, мразь, – почти ласково прошептал Левин, наклоняясь к самой морде захватчика, где за треснувшим в пытках пластиком пульсировала бледная, лишенная кожи плоть. – Пусть твои братья на орбитальных палубах слышат, как их «совершенный разум» плавится от обычной земной температуры. Пусть они знают, что здесь их не ждут боги. Здесь их ждут мясники, у которых руки по локоть в их светящихся потрохах.

Через час методичных, математически выверенных пыток Архитектор «сломался». Его яростное сопротивление перешло в ритмичные, затухающие конвульсии покорности. Через нейрочип, который Павел грубо вырезал из головы убитого ранее офицера-связиста и с помощью Дока подключил к допотопному советскому осциллографу, начали поступать рваные, ломаные сигналы.

– Смотри на экран, Док, – Павел указал на мерцающую зеленую линию осциллографа. – Частота сигнала резко уходит в пике, когда я касаюсь нервного узла за вторым сегментом грудины. Видишь этот всплеск? Это их критическая уязвимость. Прямой доступ к центральной магистрали управления. Одно точное попадание заточенным болтом – и вся их сложная нейронная сеть сгорает к чертовой матери, как короткозамкнутая проводка.

Павел выключил паяльник. Его руки были по локоть в светящейся, липкой фиолетовой слизи, которая медленно разъедала кожу. Он взял со стола свой нож из автомобильной рессоры и одним точным, хирургически выверенным движением вскрыл грудную клетку Архитектора, с хрустом разводя сегменты брони в разные стороны. Пришелец дернулся в последний раз, испустив длинный, затихающий свист, похожий на звук сдуваемого мяча, и окончательно затих.

– Запиши частотные характеристики и координаты этого узла, – бросил Павел Доку, срывая с себя перепачканный ихором фартук. – С завтрашнего дня мы переделываем наши арбалеты и самопалы под узконаправленные пробойники. Нам больше не нужно пытаться пробить их основную броню. Мы будем бить в технологические щели, прямо туда, где у них спрятана душа. Если она у этих звездных вырожденцев вообще предусмотрена конструкцией.

Павел вышел из подвала, тяжело и мерно ступая по ступеням, и оказался в предрассветных фиолетовых сумерках разрушенной Москвы. Над горизонтом, задевая шпили Москва-Сити, всё так же величественно и грозно висели черные корабли-пирамиды, но теперь они больше не казались ему непобедимыми монолитами. Для Павла Левина пришельцы перестали быть высшим разумом из непостижимых глубин космоса. С этой ночи они стали просто сложным, визжащим от боли ихорным мясом.

– Завтра, – прошептал он, глядя на мерцающие в вышине звезды холодным, обещающим взглядом профессионального забойщика, – я научу вас по-настоящему бояться земной тьмы. И того, что в ней научилось прятаться.

Глава 5: Свита мясника

К исходу первой недели подвал элитного жилого комплекса «Атлант» окончательно перестал быть временным убежищем. Он превратился в сырую, гулкую техногенную казарму, насквозь пропитанную тяжелыми, въедливыми запахами: горелым порохом, едким самосадом, потом десятков немытых тел и резким, тревожным ароматом озона, исходящим от трофейных инопланетных жезлов, сваленных в углу как обычный металлолом. Группировка Павла, которую в руинах окрестных кварталов уже шепотом, с суеверным ужасом называли «Костоломами», разрослась до тридцати человек.

Это не были пафосные герои сопротивления из кинофильмов. Это были сломленные, выпотрошенные катастрофой люди – офисный планктон, строители, охранники, – в которых Павел Левин методично и безжалостно заново разжигал самый древний, примитивный инстинкт: чистую, незамутненную жажду убийства как единственную форму бытия.

Павел стоял перед строем, медленно проходя вдоль шеренги и чеканя каждый шаг по холодному бетону. В правой руке он лениво сжимал тяжелый армейский ремень с массивной стальной бляхой, на которой еще виднелась затертая гравировка. Его взгляд, острый и холодный, как скальпель, сканировал лица новобранцев, выискивая в них искры той самой «грязи», которая помогает виду выжить в период вымирания.

Состав отряда был пестрым и пугающим: бывший коллектор с выбитыми в уличной потасовке зубами, суровый, молчаливый егерь из Подмосковья и двое дезертиров из охраны спецобъектов, которые бросили посты не от трусости, а ради добычи, прихватив с собой укороченные АКСУ и ящики с патронами.

– Посмотрите на свои руки, – голос Павла резал гулкую тишину подвала, словно острая бритва – плоть. – Что вы в них видите? Грязь? Засохшую кровь? Ожоги? Нет. С этой секунды вы видите инструменты. Единственное, что сегодня отделяет вас от превращения в кучу серого пепла под ногами Архитекторов, – это ваша готовность быть страшнее, чем они. Ваша готовность сожрать врага раньше, чем он соизволит посмотреть в вашу сторону.

Он внезапно замер перед молодым парнем, бывшим курьером, который непроизвольно вздрогнул, когда тяжелая тень Павла накрыла его, как могильная плита.

– Ты. Как тебя звали в той, сытой жизни? – прищурился Левин, сокращая дистанцию до предела.

– Ди... Дима... – заикнулся парень, отчаянно стараясь не смотреть лидеру в глаза, где, казалось, застыла сама вечная мерзлота.

– Дима. Скажи мне, Дима, что ты сделаешь, когда увидишь, как эта серебряная тварь сжигает твоего соседа живьем, превращая его в дымящийся огарок?

– Я... я буду стрелять, – выдавил Дима, до белизны в костяшках сжимая самодельное копье, к которому синим изоляционным скотчем был криво примотан кухонный нож для мяса.

– Ошибка, – Павел молниеносно, коротким и страшным по силе движением ударил Диму наотмашь бляхой ремня.

Парень отлетел к бетонной колонне, сползая по ней и судорожно хватаясь за разбитое, мгновенно залитое кровью лицо. Глухой стон утонул в безразличии окружающих.

– Ты не будешь просто стрелять, – Павел склонился над ним, чеканя каждое слово прямо в окровавленное ухо. – Ты будешь ждать. Ты позволишь этой твари подойти вплотную, на расстояние вытянутой руки, чтобы почувствовать их едкую аммиачную вонь. Ты вскрыешь ему брюхо этим своим пером и будешь смотреть, как его синие, светящиеся кишки вываливаются на асфальт. Только когда они увидят, что мы не боимся их трогать голыми руками, они поймут: эта планета встала у них поперек горла.

Павел выпрямился и медленно повернулся к остальным. Его лицо было абсолютно спокойным, что пугало людей больше, чем любая истерика.

– Правило у нас теперь только одно: кто проявил жалость – идет на корм. Если ваш товарищ ранен и не может идти – вы добиваете его на месте, чтобы он не достался врагу для опытов и не тормозил отряд. Если вы видите гражданских, которые мешают операции или визжат, привлекая внимание «Глаз», – вы устраняете их без раздумий. Мы не спасатели. Мы – вирус, который был порожден этой изнасилованной землей, чтобы убить другой, звездный вирус.

Из густых теней в дальнем углу, где тускло горела единственная лампа, вышел человек, которого Павел заметил еще вчера. Бывший спецназовец по кличке Седой. У него не было правого глаза – на его месте зияла багровая пустота, а через все лицо тянулся глубокий, уродливый шрам от плазменного ожога, стянувший кожу в вечную гримасу ярости.

– Паша, – негромко, с хрипцой сказал Седой, опираясь на переделанный карабин, – разведка доложила: в трех кварталах отсюда, на площади перед метро, Архитекторы выставили «Жатку». Собирают народ для отправки в верхние ярусы пирамид. Там сотни людей в силовых загонах. Мы можем ударить им во фланг, пока они заняты сортировкой «биогруза».

Павел усмехнулся. Эта улыбка, хищная и лишенная тепла, не предвещала ничего хорошего ни захватчикам, ни тем, кто молился о спасении в загонах.

– Сотни людей? Отлично. Это идеальное живое мясо, – Павел обернулся к Седому, и в его глазах вспыхнул расчетливый огонь. – Слушай приказ. Бери егеря и дезертиров. Мы не будем спасать этих бедолаг. Мы используем их как массивную живую приманку, как шумовой экран. Пока Архитекторы будут заняты их сортировкой и погрузкой в свои транспорты, мы скрытно заложим кумулятивную взрывчатку под гравитационные платформы их машин.

– А если люди... если они попадут под основной взрыв? – подал голос кто-то из глубины строя.

Это был учитель истории, прибившийся к группе пару дней назад. Его интеллигентное, изможденное лицо было искажено сомнением и остатками прежней морали. Павел медленно, почти торжественно подошел к нему вплотную, возвышаясь над ним, как скала.

– Учитель, – Павел положил тяжелую, пахнущую ихором руку ему на плечо, – история, которую вы так долго преподавали, учит только одному: в большой войне побеждают не праведники, а те, кто готов принести в жертву всё. Те люди в загоне – они уже мертвецы. Они помечены их нанометками, их воля выжжена. Мы просто дадим их смерти хоть какой-то смысл. Они станут детонатором нашей первой настоящей победы. Ты хочешь, чтобы их смерть была напрасной?

Он резко отвернулся и рывкнул на весь подвал так, что со стен посыпалась бетонная крошка:

– Седой, готовь «Мясорубки» – наши новые арбалеты со смещенным центром тяжести и заточенными штырями. Мы выходим через сорок минут. И помните: если кто-то из вас заколеблется в момент броска – я лично проверю, насколько крепкий у вас позвоночник и как быстро он ломается под моим сапогом.

В ту ночь «Костоломы» впервые вышли на охоту в полном составе. Они двигались по затопленным коллекторам ливневой канализации, как стая голодных, бесшумных теней, ведомые человеком, в чьем сердце не осталось ничего, кроме ледяной, математически выверенной ярости. Павел Левин вел свою стаю на первый по-настоящему крупный акт террора против тех, кто считал себя новыми богами. Он шел впереди, и фиолетовый отблеск далеких пирамид отражался в его стальных глазах, как обещание скорой, кровавой и неизбежной жатвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.